

Добровольческая армия и монархическая идея в 1918–1919 гг.

По свидетельству историка и свидетеля гражданской войны Г.В. Вернадского «хотя большинство правительств, созданных белыми, имело отчетливо консервативный характер, несмотря на то, что возникали они в самых разных частях России, придерживались различных политических ориентаций и возглавлялись представителями разнообразных политических группировок, ни одно из них не пыталось восстановить самодержавие»¹.

Антибольшевистское движение было крайне неоднородным как в политическом, так и в социальном отношении. Политически можно выделить три его основные потока. Это «революционная демократия» 1917 г. – эсеры, меньшевики и более мелкие социалистические группы. В центре «либеральная демократия» – сторонники кадетов и других «буржуазных» партий. Программа этой группы предусматривала созыв после победы белых нового Учредительного (Национального) Собрания, где, как ожидалось, большинство уже не будет принадлежать социалистическим партиям. Программа правых кругов предполагала провозглашение кандидата на престол (одного из великих князей) уже в ходе вооруженной борьбы, без Учредительного Собрания. Подоб-

ная политическая неоднородность имела под собой крайне разнородный социальный состав. И действительно, на протяжении гражданской войны в белом лагере находились казачество и интеллигенция, офицерский корпус и буржуазия, помещики и группы крестьян, рабочих. В этой социально разнородной массе был, тем не менее, один слой, несший основную тяжесть борьбы в белом лагере. Это – трехсоттысячный офицерский корпус российской императорской армии, каким он сложился к 1917 г. Его представители сразу заняли основное место в руководстве белым движением, а спустя короткое время полностью оттеснили от него политических лидеров. Поэтому именно этот слой наложил свое непропорционально большое влияние на дальнейшее развитие идеологии белого дела. К началу века офицерский корпус считался одной из главных опор династии Романовых. Почему же тогда по свидетельству философа Г.П. Федотова «Россия не имела своей Вандеи. Ни одно из антибольшевистских движений, возглавляемых монархистами, не решилось поднять открыто монархического знамени»².

Характеризуя эту корпорацию, надо сказать, что даже ее ядро – кадровое офицерство на-

чала века (примерно 40 тысяч чел.) не было замкнутой кастой аристократов – монархистов, каким, например, являлся офицерский корпус Германской империи. По мнению английского историка Джона Гренвилла, «русская армия никогда не была простым бастионом классовых привилегий... двое из каждых пяти офицеров от прапорщика до полковника были выходцами из крестьян и среднего класса. Отцы многих офицеров были крепостными»³. В ходе Первой мировой войны большая часть кадрового офицерства выбыла из строя, в офицеры было произведено свыше 220 тысяч чел. В этом военном офицерстве большинство представляло собой выходцев из средних слоев города и крестьян. Политические симпатии «нового офицерства» были весьма расплывчаты, колеблясь между неясным монархизмом и смутным социализмом. Островом аристократии было офицерство гвардии и отчасти армейской кавалерии.

Генералитет и офицерство не пытались поднять армию против восставшего Петрограда в феврале 1917 г., а высшее командование армии фактически заставило Николая II отречься от престола, саботировав его попытки подавить восстание. По словам русского офицера и философа Ф. А. Степуна февральскую революцию «русское офицерство... приняло без малейших оговорок и сопротивления»⁴. Офицерский корпус 1917 г. в своем большинстве был солидарен с интеллигенцией, верхними и средними слоями города, которые боролись за предоставление им полностью политической власти.

Весной 1917 г. из армии было уволено свыше 150 генералов, многие за монархические убеждения, связи с Двором. Во главе армии стала группа старших офицеров, часть которых вышла из крестьян, простых казаков, открыто декларирующая свои республиканские, иногда даже социалистические симпатии. Один из представителей этой группы А.И. Деникин, за месяцы революции совершивший стремительный рывок по служебной лестнице от начальника корпуса до начальника штаба Главковерха, а потом командующего фронтом писал, что у него «... было в начале революции искреннее ее приятие и в некоторых отношениях даже ее идеализация». Подобное отношение первоначально разделялось большинством генералитета, занявшего ключевые посты в армии, в результате кадровой

чистки. Однако этот оптимизм в отношении революции стал спадать, когда она перешла от политической к социальной фазе, и когда стал ясно виден процесс распада основных институтов российского общества. Российское офицерство особенно болезненно отнеслось к распаду армии и империи. Глубокий исследователь гражданской смуты генерал Н.Н. Головин позднее писал: «офицерство приняло начало революции без сопротивления, с горячей верой, что Временное правительство доведет войну до победного конца». В результате развала армии и государства в 1917 г. «в настроениях офицерства произошел перелом: отрицательные стороны старого режима забывались, и свергнутая Царская власть превращалась в символ Великой России»⁵.

К лету 1917 г. наиболее решительно настроенная часть генералитета выдвинула идею диктатуры, которую неудачно попытался реализовать в августе Корнилов. Социалистические партии видели в диктатуре военных прямую опасность реакции, восстановления самодержавия. Сами военные, по словам А.И. Деникина, видели в диктатуре «мучительное искание сильной национальной, демократической власти, но не реакцию»⁶. К этому времени Л.Г. Корнилов не вызывал доверия среди монархистов. Сделавший в первые месяцы революции карьеру от командующего корпуса до Главковерха российской армии, в среде монархистов Корнилов считался «революционным генералом», они не могли ему простить арест царской семьи в марте 1917 г. Генерал говорил, что он убежденный республиканец и никогда не поддержит «ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, так как считаю, что династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны»⁷. Под знаменем Учредительного Собрания, а не легитимной монархии начал Корнилов свой поход против Советской власти в феврале 1918 г.

М.В. Алексеев – основатель Добровольческой армии, в советской историографии считался руководителем монархистов в руководстве армии после февраля 1917 г. Так, по мнению Г. З. Иоффе, М.В. Алексеев участвуя в устранении от власти Николая II, «делал ставку на нового царя – Алексея или Михаила» для спасения монархического принципа, а затем после 3 марта 1917 г. стремился к восстановлению монархии, создав для

этой цели, в качестве Верховного главнокомандующего, «Союз офицеров армии и флота» в армии⁸. Однако, при этом никаких доказательств руководства М.В. Алексеевым монархических групп в 1917 г. или связи с подобными группами не приводилось. «Союз офицеров армии и флота» не выдвигал политических целей, а ставил задачей укрепить армию в согласии с Временным правительством. По свидетельству одного из лидеров кадетской партии В. А. Маклакова, даже в августе 1917 г. во время выступления Корнилова против Временного правительства, М.В. Алексеев был противником восстановления монархии в России. В.А. Маклаков считал, что в случае победы Корнилова, главной задачей было возвращение государства «к законному порядку ... восстановить монархию, конституцию, народное представительство и управлять в согласии с конституцией». В итоге спора В.А. Маклаков заметил: «Как странно! Мы словно поменялись с вами ролями. Вы, генерал-адъютант, близкий человек к Государю, вы – против монархии! А я, оппозиционер – за!

– Вы правы, – отвечал генерал; – Но именно потому, что я лучше вас знаю монархию, как она есть, – я ее не хочу. Замечание это меня поразило.

– Возможно! – вскрикнул я тут, в свою очередь. – Но уж наших-то общественных деятелей я знаю наверняка лучше вас. А потому – ничего не жду от вашей затеи⁹.

Позиция преемника Корнилова в руководстве белыми силами на юге – генерала Деникина была менее радикальна, однако главное место в определении государственного устройства он отводил не традиции, а воле народа, он считал «одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в своей массе желает той или иной власти». Характерно, что возглавивший в результате военного переворота антибольшевистские силы востока России, адмирал Колчак также декларировал отказ от реставрации, заявлял о желательности демократической формы правления России¹⁰.

Первая политическая декларация Добровольческой армии была обнародована 9 января 1918 г. Добровольческая армия должна была стать «той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной

России. Новая армия должна стоять на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою»¹¹. Как справедливо отмечал участник белого движения и позднее исследователь гражданской войны полковник А.А. Зайцов, «воззвание это, таким образом, становилось на точку зрения непредрешиения ни будущей формы правления, ни земельного вопроса. «Мир и земля», провозглашенные большевиками, не нашли в этом воззвании противоядия. Взамен конкретной «цели», по существу дела, воззвание ограничивалось лишь указанием «средства» – создания организованной вооруженной силы. Сама цель оставалась туманной, будучи предоставлена выявлению «державной воли» народа...»¹². Впрочем, эта позиция «непредрешиения» руководства Добровольческой армии вполне объяснима сложной обстановкой января 1918 г., когда гражданская война в России только начиналась. Но, к сожалению, и позднее в 1918 и 1919 гг., когда происходили главные битвы гражданской войны, командование Добровольческой армии, как и большинства других белых армий, осталось на платформе «непредрешиения».

Политические вопросы оказывали глубокое влияние на внутреннюю жизнь белого движения уже весной 1918 г. Как отмечал участник белого движения на юге России журналист А. Суворин, политические вопросы в Добровольческой армии вышли на первое место после неудачного штурма Екатеринодара и смерти первого командующего генерала Л.Г. Корнилова 31 марта 1918 г. «...в армии, в сущности, было только две партии: «алексеевцы», которых было большинство, – Алексеев почему-то считался монархистом, – и «корниловцы» – демократы, народоуправцы. Из главных полков армии: Офицерский был почти сплошь – монархисты; Корниловский – по преимуществу, народоуправцы... Однако и алексеевцы признавали, что сейчас надо идти за Корниловым, ибо он – яркий боевой талант, такой генерал, который и нужен армии для победы... Все равно нужно, прежде всего, победить общего врага, а до победы обеим партиям надо идти по одной дороге»¹³.

Позднее А.И. Деникин вспоминал, что в мае – июне 1918 г. из офицерства Доброволь-

ческой армии «очень многие считали необходимым немедленное официальное признание монархического лозунга», что проявлялось в брожении в частях и даже убыли из армии в результате агитации правых кругов. На совещании командного состава армии в станице Егорлыкской А.И. Деникину удалось убедить армию в правильности политики «непредрешения государственного строя», оставив на будущий выбор всего народа политический строй – монархию или республику. Позднее А.И. Деникин писал, что в 1918 г. монархический лозунг возможно и принес бы белым больше доверия групп несоциалистической интеллигенции, но они «рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством – тогда не только не склонным к принятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей»¹⁴.

Политика «непредрешения» унаследованная А.И. Деникиным поддерживалась его ближайшими соратниками генералами И.П. Романовским, С.Л. Марковым. Генерал М.В. Алексеев сообщал великому князю Николаю Николаевичу о настроении освобожденной белыми частями Кубани летом 1918 г. – «Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархии. Болезненный микроб федерации еще бродит среди населения»¹⁵. Председатель Особого Совещания А.С. Лукомский в эмиграции писал, что еще в 1918 г. население Юга России мало знало реальности жизни при власти большевиков и видело в лозунгах революции «право устраивать жизнь по собственному желанию». В результате в 1918–1919 гг. «провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьянской и рабочей массы»¹⁶.

Однако даже среди генералов Добровольческой армии 1918 г. эта политика не пользовалась большой популярностью. Ее оппонентом был, например, М.Г. Дроздовский. Позднее А.И. Деникин отмечал, что «громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами». За пределами армии линия на «непредрешение» государственного строя резко критиковалась. Генерал граф Ф. Келлер «самый благородный из крайних правых... рыцарь монархии и династии, человек прямой и чуждый интриги», по характеристике А.И. Деникина, призывал одного из основателей Добровольческой

армии генерала М.В. Алексеева открыто показаться в участии в свержении власти Николая «и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя». Руководство Астраханской армии летом 1918 г. сообщило «Правому центру», что необходимо провести «чистку» руководства Добровольческой армии, так как «в составе командования имеются лица, противящиеся по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский...»¹⁷.

В 1918 г. выяснилось, что идея русского парламента – Учредительного собрания, во имя которой левая интеллигенция готовила революцию, не пользуется большой популярностью в народе. В январе 1918 г. Л. Г. Корнилов планировал передать власть вновь созванному после разгона большевиками Учредительному собранию, которое «как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй». Всего через полгода, в письме полковнику М.И. Штенгелю, Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев признавал, что «необходимо считаться с существующим положением вещей и поэтому лозунг «Учредительное Собрание» надлежит уже признать мало действительным для практической работы (чего не отрицают даже и левые элементы»¹⁸.

Политика «непредрешения», которая должна была, по замыслу А.И. Деникина, сплотить все здоровые силы России для борьбы с большевизмом, по мере разрастания гражданской войны становилась главной политической проблемой белых. Позднее один из командиров ВСЮР А.Г. Шкуро вспоминал: «Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную... Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах?»¹⁹.

Гражданская война проходила на фоне интересных и до сих пор не изученных процессов в общественном сознании на территории Российской империи. Монархия, свергнутая в

результате, по выражению Евгения Трубецкого, национальной революции, в которой принимали участие все классы русского общества, через некоторое время обрела множество приверженцев. Идеи монархизма, осмеянные всем обществом, весной 1917 г., по мере углубления противоречий и кризиса России, постепенно становились популярными. В конце 1917 – 1918 гг. этот процесс затронул обеспеченные городские слои, интеллигенцию, наиболее пострадавшие к этому времени от развития революции, а также обладавшими большим интеллектуальным кругозором по сравнению с остальными группами населения. В 1918 г. большая часть либеральной интеллигенции и все несоциалистические партии склонялись к идее конституционной монархии. 14 мая 1918 г. А.С. Лукомский писал А.И. Деникину – «Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправление произошло громадное. Что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию»²⁰. М.В. Алексеев к лету 1918 г. пришел к мысли о необходимости монархии для России в будущем. В письме генералу Д.Г. Щербачеву от 31 июля 1918 г. Алексеев отмечал: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонились от этого основного принципа»²¹. При этом отношение казачества и крестьянства, по крайней мере в полосе расположения белых частей, к монархии оставалось более сложным, так как с ней связывались воспоминания о различных обязанностях населения при старом режиме. В это время сельские общины хотели только закрепления своего суверенитета и отсутствия какого-либо руководства из центра.

В 1919 г. тяготы гражданской войны и действия большевиков вызвали ностальгию по ста-

рым временам у самых широких масс казачества и крестьянства. Показательно в этом отношении наблюдение полководца Красной армии Филиппа Миронова в июне 1919 г. «не только на Дону деятельность некоторых ревкомов ... вызвало поголовное восстание, но это восстание грозит разлиться широкою волною в крестьянских массах по лицу всей Республики. Если сказать, что на народных митингах в селах ... открыто раздавались голоса: «Давай царя!», то будет понятным настроение толщи крестьянской...»²². Меншевик Кучин-Оранский писал, что в 1919 г. в центр России «Добровольческая армия шла, предшествуемая и поддерживаемая крестьянскими волнениями. В стране происходили глубокие сдвиги... Широкие слои населения оказались захваченными национально-реакционными настроениями... Крыло реакционных настроений коснулось и рабочей массы»²³.

Белые армии стали испытывать сильное влияние монархизма уже в первой половине 1918 г. Командование Добровольческой армии с лета 1918 г. подвергалось сильному давлению, как офицерского состава, так и поправивших политических лидеров, требовавших поднять монархический флаг, отказавшись от неопределенности «народоправства». Этого требовали не только монархист В.В. Шульгин, но и либералы Г. Трубецкой и П.Н. Милюков. Однако это так и не было сделано. Впоследствии, объясняя этот факт, белые генералы говорили, что провозглашение монархических лозунгов оттолкнуло бы от них казаков и массы остального населения. Но, как мы видели, в политических настроениях населения между 1918 и 1919 гг. произошли существенные изменения. Впрочем, возможно вожди белых не смогли их вовремя заметить. Генералам, руководившим антибольшевистской борьбой, не хватало политического чутья. В гражданской войне военные проиграли политикам.

Кроме того, значительную роль играли политические симпатии руководителей белого дела. В.В. Шульгин вспоминал, как А.И. Деникин критиковал его линию на возрождение монархии в белой прессе – «...Вы очень выпячиваете монархизм. Конечно, много офицеров – монархистов. Но у вас выходит так, что единственная цель Добровольческой армии – возрождение монархии. Это не так... Россию мы хотим восстановить.

А форма правления – это вопрос второго порядка»²⁴. П.Н. Врангель характеризовал А. Деникина, как человека, проникнутого настроениями армейской среды «провинциальной, мелкобуржуазной с либеральным оттенком» с предубежденным отношением к «аристократии» и «двору»²⁵. Это предубеждение определяло отношение А. И. Деникина и к монархизму. Один из членов Особого Сопровождающего Н.В. Савич вспоминал об отказе Деникина призвать к руководству армии великого князя Николая Николаевича, единственного из Романовых, имеющего всероссийский авторитет. А.И. Деникин ответил, что это равносильно восстановлению монархии – «Ведь за Романовыми опять потянутся все эти негодяи и опять все начнется сначала»²⁶. Главную роль в правительстве А.И. Деникина играли левые кадеты, привыкшие, по наблюдению Савича, «ненавидеть старый строй, так тесно связанный с династией Романовых». Начальником штаба ВСЮР был генерал И.П. Романовский, которого многие в белой армии считали социалистом. По словам участника белого движения, выходца из аристократической семьи Н.В. Волкова-Муромцева – «Правительство белой армии боялось реакции больше, чем большевиков»²⁷.

Ударное формирование белого дела – Добровольческая армия испытало сильное влияние революции на свою структуру и характер. Ее части мало походили на полки русской императорской армии. По воспоминанию одного из ее генералов в армии царил «удельно-вечевой порядок». Части сами выдвигали своих командиров, требовали от командования изменений в политике, стратегии, тактике, кадровых вопросах. Монархизм Добровольческой армии был далеко не тождественен легитимизму правых кругов. Генерал Н.Н. Головин отмечал, что «Добровольческая армия духовно была родственна французской армии, возведшей на престол Наполеона. Это сходство увеличивалось еще и тем разочарованием в революции, которое было присуще обеим этим армиям. Враждебное недоверие к «штатским политикам» сочеталось в них с верой в спасение через выдвинутых ими на свои верхи военных вождей»²⁸.

Особой популярностью в среде молодых офицеров пользовался Корнилов. Позднее один из участников Ледяного похода писатель

Роман Гуль вспоминал – «В Корнилове было «героическое». Это чувствовали все и потому шли за ним слепо с восторгом...». Однако, подобное отношение затем перешло и на Деникина, на Врангеля. Армия искала героя, вождя. В ходе гражданской войны в антибольшевистском лагере дважды предпринимались попытки провозглашения монархических принципов. В 1918 г. наряду с Добровольческой армией на Юге, под патронажем донского атамана Краснова при помощи гетмана Скоропадского и немецких властей была сформирована, под лозунгом восстановления монархии, Южная армия. Задуманная с целью отвлечь офицеров-монархистов от антантофильской Добровольческой армии, она так и не стала серьезной боевой силой. Часть ее состава затем перешла в Добровольческую армию.

После сокрушительных поражений 1919 г., когда армии Колчака были отброшены от Волги в Приморье, а ВСЮР от Курска в Крым, старых белых вождей сменили генералы с более правыми убеждениями. М.К. Дитерихс открыто поднял монархический флаг в июне 1922 г., провозгласив себя «земским воеводой», идущим установить монархию в Россию. Однако, военные ресурсы «земской рати» Приморья не шли ни в какое сравнение с Красной армией, что и предопределило разгром «земского воеводы». Процесс «правления» белой военной среды завершился в эмиграции.

Несмотря на свою социальную пестроту в своей основе «белое дело» являлось движением верхних и средних городских классов Российской империи. Белые полки составляли, по признанию одного из руководителей ВЧК М. Лациса «юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащая молодежь... лица свободных профессий». Революция февраля 1917 г. была, прежде всего, делом городских слоев. На какое-то время их интересы совпали с интересами остального населения России, уставшего от чрезмерной государственной опеки и затянувшейся войны. Но очень скоро стало ясно, что либерально-демократические идеалы городских слоев чужды и непонятны громадному большинству населения Российской империи. В попытке найти компромисс между политическими силами, в белом лагере возобладала тенденция отложить все споры о вопросах будущего

государственного строительства до победы над большевиками. Это настроение привело к победе политики «непредрешения» форм государственного устройства до созыва полномочного представительного органа всей России – Учредительного или Национального собрания.

-
- ¹ Вернадский Г.В. *Русская история*. М., 1997. С. 312
- ² Федотов Г.П. *Проблемы будущей России. // Судьба и грехи России*. СПб., 1991. С. 261.
- ³ Гринвелл Д. *История XX в.* М., 1999. С. 69.
- ⁴ Степун Ф.А. *Мысли о России. // Литература русского зарубежья*. М. 1990. Т. 1. К. 1. С. 301.
- ⁵ Головин Н.Н. *Российская контрреволюция*. Париж, 1937. Кн. 5. С. 63.
- ⁶ Деникин А.И. *Очерки русской смуты*. М., 1991. Т. 1. С. 122.
- ⁷ Епифанов А. *Пути Добровольческого движения. // Грани*. 1975. № 97. С. 233.
- ⁸ Иоффе Г.З. «Белое дело». *Генерал Корнилов*. М., 1989. С. 55.
- ⁹ Якобий И. П. *Император Николай II и революция*. М., 2010. С. 372.
- ¹⁰ Плотников И.Ф. *Колчак*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 195.
- ¹¹ Зайцов А.А. *1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны*. Париж, 1934. С. 41.
- ¹² Зайцов А.А. *Указ*. Соч. С. 42
- ¹³ Цветков В. Ж. *Генерал Алексеев*. М. 2014.
- ¹⁴ Деникин А.И. *Очерки русской смуты*. Берлин, 1924. Т. 3. С. 131 – 132.
- ¹⁵ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Берлин, 1924. Т. 3. С. 256.
- ¹⁶ Лукомский А.С. *Из воспоминаний // Архив русской революции*. Берлин, 1922. Т. 6. С. 140.
- ¹⁷ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Берлин, 1924. Т. 3. С. 136.
- ¹⁸ *Белый архив*. Париж, 1928. Кн. 2 – 3. С. 181 – 183.
- ¹⁹ Шкуро А.Г. *Записки белого партизана*. М., 2004. С. 215.
- ²⁰ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Т. 3. С. 131.
- ²¹ Деникин А.И. *Указ*. Соч. Т. 3. С. 130.
- ²² Филипп Миронов. *Документы*. М., 1997. С. 255.
- ²³ Деникин А.И. *Поход на Москву*. М., 1996. С. 78.
- ²⁴ Шульгин В.В. *Последний очевидец*. М., 2002. С. 487.
- ²⁵ Врангель П.Н. *Записки*. М., 19991. Т. 1. С. 98.
- ²⁶ Савич Н.В. *Закат белого движения. // Москва*. 1991. № 11. С. 19.
- ²⁷ Волков – Муромцев В.Н. *Юность; От Вязьмы до Феодосии*. Париж, 1983. С. 347.
- ²⁸ Головин Н.Н. *Указ*. Соч. Кн. 5. С. 65.

